
**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_101_115

EDN: QEHUTR

Великий русский психолог Константин Дмитриевич Ушинский

Владимир Александрович Мазилев

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

v.mazilov@yspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Аннотация. Статья посвящена 200-летию юбилею К. Д. Ушинского. В статье утверждается, что К. Д. Ушинский является великим психологом, разработавшим первую в истории мировой психологии практико-ориентированную систему общей психологии, которая претендовала на научность. Сопоставляется подход К. Д. Ушинского к построению общей психологии с проектом В. Вундта, который был представлен уже после смерти русского ученого и получил статус научной психологии. Рассматриваются идеалы научности, из которых исходили при построении своих исследовательских программ К. Д. Ушинский и Вильгельм Вундт: В. Вундт при этом ориентировался на кантовскую критику психологии (1786), а К. Д. Ушинский, в свою очередь, — на оригинальное понимание научности, разработанное самим ученым. В итоге у Вундта получилась крайне ограниченная по трактовке предмета естественная наука, основанная на методе самонаблюдения (основной) и эксперимента (вспомогательный), у Ушинского — целостная концепция, которая была антропологической и охватывала психическую жизнь человека целиком.

В статье показаны преимущества подхода Ушинского к построению научной психологии. Отмечается, что Ушинским высказаны важные положения относительно научной этики ученого, не утратившие значения до сих пор. Автор утверждает, что К. Д. Ушинским была представлена первая в мировой психологии полноценная система общей психологии, основанная на анализе фактического материала. Задача настоящей статьи — показать новизну подхода Ушинского к построению системы психологии, то есть проанализировать, в первую очередь, методологические положения его концепции. Выделены основные характеристики подхода Ушинского к разработке общей психологии, показано значение новаторского подхода ученого к построению психологии. Выявлены основные тенденции дальнейшего развития Ушинским его подхода, которые не были реализованы из-за его безвременной кончины.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский; научная педагогика; педагогическая антропология; мировая психология; система психологии; научная психология; история психологии

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

Для цитирования: Мазилев В. А. Великий русский психолог Константин Дмитриевич Ушинский // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1 (130). С. 101-115. http://dx.doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_101_115. <https://elibrary.ru/QEHUTR>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY,
PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

The great russian psychologist Konstantin Dmitrievich Ushinsky

Vladimir A. Mazilov

Doctor of psychological sciences, professor, head of the department of general and social psychology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
v.mazilov@yvspu.org, <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>

Abstract. The article is dedicated to the 200th anniversary of KD Ushinsky. The article states that K. D. Ushinsky is a great psychologist who developed the first practice-oriented system of general psychology in the history of world psychology, which claimed to be scientific. The article compares the approach of K. D. Ushinsky to the construction of general psychology with the project of W. Wundt, which was presented after the death of the Russian scientist and received the status of scientific psychology. The article compares the ideals of scientific character, from which K. D. Ushinsky and Wilhelm Wundt proceeded when building their research programs. It is stated that if W. Wundt was guided by Kant's critique of psychology (1786), then Ushinsky was guided by the original understanding of scientificity developed by the scientist himself. As a result, Wundt obtained an extremely limited interpretation of the subject of natural science, based on the method of self-observation (main) and experiment (auxiliary), Ushinsky had a holistic concept, which was anthropological and covered the entire mental life of a person. The article shows the advantages of Ushinsky's approach to the construction of scientific psychology. It is noted that Ushinsky expressed important provisions regarding the scientific ethics of the scientist, which have not lost their significance so far. The article states that K. D. Ushinsky presented the first full-fledged system of general psychology in world psychology, based on the analysis of factual material. The purpose of this article is to show the novelty of Ushinsky's approach to the construction of a system of psychology, that is, to analyze, first of all, the methodological provisions of Ushinsky's concept. The main characteristics of Ushinsky's approach to the development of general psychology are singled out, the significance of the scientist's innovative approach to the construction of psychology is shown. The main tendencies of Ushinsky's further development of his approach, which were not implemented due to his untimely death, are revealed.

Keywords: K. D. Ushinsky; scientific pedagogy; pedagogical anthropology; world psychology; system of psychology; scientific psychology; history of psychology

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

For citation: Mazilov V. A. The great russian psychologist Konstantin Dmitrievich Ushinsky. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2023;(1): 101-115. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813_145X_2023_1_130_101_115.
<https://elibrary.ru/QEHUTR>

Но, конечно, психология, в отношении своей приложимости к педагогике и своей необходимости для педагога, занимает первое место между всеми науками.

К. Д. Ушинский

...Сама психология, несмотря на неоднократное заявление о вступлении ее на путь опытных наук, еще до сих пор продолжает более строить теории, чем изучать факты и сличать их.

К. Д. Ушинский

Впрочем, мы рассчитываем на снисходительность читателя, — если он вспомнит, что это первый труд в таком роде — первая попытка не только в нашей, но и в общей литературе, по крайней мере, насколько она нам известна: а первый блин всегда бывает комом; но без первого не будет второго.

К. Д. Ушинский

Введение

Данная статья приурочена к 200-летию со дня рождения великого русского педагога и психолога Константина Дмитриевича Ушинского (1823-1870). Ушинский заслуженно носит титул «учителя русских учителей», его труды как выдающегося педагога почитают и изучают и в России, и в странах бывшего СССР, и в славянских странах Европы. Однако выдающимся психологом Ушинского называют много реже. Точнее сказать, характеристики Ушинского как великого психолога были сделаны в середине 1940-х гг., когда была опубликована известная статья Б. Г. Ананьева, озаглавленная «К. Д. Ушинский — великий русский психолог» [Ананьев, 1945]. В этой работе было убедительно показано, что заслуга Ушинского перед психологией состоит, в частности, в разработке системы

общей психологии: «Развивая гуманистические и демократические традиции русской передовой философской и научной мысли, К. Д. Ушинский создал новые пути в развитии научной психологии» [Ананьев, 2007, с. 388]. Ананьев продолжает: «Велика роль К. Д. Ушинского как зачинателя русской педагогической психологии. Однако было бы неправильно думать, что лишь в этом специальном разделе психологии К. Д. Ушинский являлся новатором и создателем традиций, развиваемых ныне советской педагогической психологией. Больше того, нельзя понять оригинальности и значительности созданных К. Д. Ушинским принципов педагогической психологии, не вскрыв особенных путей и принципов, разработанных впервые К. Д. Ушинским в общей психологии, в психологической науке в целом (Курсив мой. — В. М.)» [Ананьев, 2007, с. 388-389]. Согласно Ананьеву, «обозревая всю картину развития русской психологии в XIX столетии, можно утверждать с полным основанием, что К. Д. Ушинский был великим психологом именно потому, что он был великим педагогом и, в свою очередь, его величие в педагогике в значительной мере связано с его капитальным вкладом в развитие русской научной психологии» [Ананьев, 2006, с. 389]. «Невозможно понять оригинальное направление К. Д. Ушинского в педагогике и методике родного языка, отсекая психологическую основу этого направления. И тем более невозможно понять глубокую жизненность и новизну психологических идей К. Д. Ушинского, рассматривая его лишь как психолога» [Ананьев, 2007, с. 388]. Отметим, что Б. Г. Ананьев неоднократно обращался к анализу творчества К. Д. Ушинского [Ананьев, 1945; Ананьев, 1969; Ананьев, 2007а; Ананьев, 2007б; Ананьев, 2007в], оценки его творчества неизменно оставались очень высокими, но великим психологом Ананьев Ушинского больше не называл.

Высокую оценку творчеству К. Д. Ушинского давал и С. Л. Рубинштейн, в том же 1945 г. писавший, что «Ушинский для обоснования дорогого ему дела воспитания и обучения не считал правильным и возможным ограничиться разработкой особой педагогической психологии, оставив в стороне общую психологию как нечто, к чему педагог прямого и непосредственного отношения якобы не имеет. В своем главном труде «Опыт педагогической антропологии» он как педагог обратился к вопросам *общей психологии человека* (Курсив мой. — В. М.), к проблемам “антропологии”. Самая антропология для него

глубоко и оригинально превратилась из чисто биологической в педагогическую дисциплину. Он занялся изучением *п р и р о д ы* человека, особенно его психологической природы, но самую природу человека он правильно постиг как *обусловленную* в своем развитии и становлении *деятельностью воспитания и обучения*. Этим Ушинский — в формах, доступных передовой науке его времени, — подошел именно к той концепции психического развития человека, которая получила новое обоснование и развитие в наши дни в советской психологии (Разрядка С. Л. Рубинштейна. — В. М.)» [Рубинштейн, 1973, с. 184].

Обратим особенное внимание: оба классика советской психологии — и Ананьев, и Рубинштейн — подчеркивают заслуги Ушинского в разработке именно общей психологии. Нисколько не принижая достижений Ушинского в области возрастной и педагогической психологии как исследователя, внесшего огромный вклад в изучение сознания, воли и чувств, других психологических феноменов и образований, акцентируем именно методологическую новизну его подхода. Фактически К. Д. Ушинским была представлена первая в мировой психологии полноценная *система общей психологии, опирающаяся на анализ фактического материала*.

Задача настоящей статьи — показать новизну подхода Ушинского к построению системы психологии, то есть проанализировать, в первую очередь, методологические положения концепции Ушинского.

Необходимо отметить, что попытка Б. Г. Ананьева провозгласить К. Д. Ушинского великим психологом в целом не увенчалась успехом. Причина вполне понятна. С одной стороны, принимается решение об издании собрания сочинений Ушинского (постановление Совета народных комиссаров от 22 августа 1945 г.). В том же 1945 г. исполняется 75 лет со дня смерти Ушинского. В стране, победившей в войне, все чаще обращаются к трудам именно отечественных ученых, отстаивается их приоритет в науке. С другой — во втором томе издаваемого собрания сочинений редакторы указывают, что психологические взгляды Ушинского содержат много «*идеалистических мыслей*», а «*последовательным материалистом Ушинский не стал до конца жизни* (Курсив везде мой. — В. М.)» [Ушинский, 1948, с. 8]. В то время великим психологом мог считаться только последовательный *материалист*. Таким образом, возникает парадокс: Ушин-

ский официально считается великим педагогом, но великим психологом его назвать нельзя [Мазилов, 2014; Мазилов, 2015; Мазилов, 2023].

Монументальный психологический проект Ушинского

Прежде всего необходимо внести определенность и со всей ясностью — дабы избежать возможных недоразумений — заявить, что К. Д. Ушинский, безусловно, был педагогом и решал именно педагогические задачи, разрабатывая систему воспитания. Психологические вопросы ему приходилось решать по необходимости — научной психологии в это время еще не было, позаимствовать психологические основы для создаваемой педагогической теории было просто негде. Тем не менее систематизированная научная психология, которая, по Ушинскому, по необходимости для педагога «занимает первое место между всеми науками», была остро необходима. Именно поэтому Ушинскому, имевшему личностную и профессиональную идентификацию исключительно как педагога, пришлось решать самостоятельно психологические задачи. Это было условие *sine qua non* для достижения поставленной цели — разработки проблемы воспитания [Мазилов, 2023].

Ушинский разрабатывает именно антропологию, подход его четко определен, он дает целостный взгляд на человека. Исследование Ушинский «стремился построить так, чтобы учесть в нем основные исторические этапы, пройденные человеком. Таких этапов Ушинский намечал три: формирование человеческого организма в истории органического мира; формирование элементарных психических процессов в истории животного мира; формирование собственно человеческой психики в истории человеческого общества. Такое разграничение трех этапов в истории становления человека, конечно, является абстрактным, но оно наряду с недостатками имеет и свои достоинства. В соответствии с этим разделением Ушинский наметил три части в своем исследовании: первая часть, физиологическая, посвящена Ушинским изучению человеческого организма и в первоначальной обработке он дал ей заголовок «Главнейшие черты человеческого организма в применении к воспитанию»; вторая часть, посвященная изучению человека как психофизиологического существа, обнаруживающего явления, «общие в начатках своих как человеку, так и животным» (...); в третьей части Ушинский предполагал изучить психические явления, свойственные только человеку, явления, каче-

ственно отличные от психических явлений, свойственных животным, и выработавшиеся в условиях социальной жизни человека. Эта последняя часть, как известно, не получила окончательного оформления в связи с болезнью и смертью Ушинского. Но уже намеченная Ушинским структура всей работы толкала на определенные педагогические выводы. Она говорила о том, что человек как предмет воспитания — существо исключительно сложное, что в его организме суммированы исторические достижения, накопленные миллионами лет органической и животной жизни на земле, и что, только овладевая этим наследством, опираясь на него, человек может развивать его дальше» [Струминский, 1953, с. 29-30].

Работа над «Педагогической антропологией» была начата К. Д. Ушинским в 1864 г. На протяжении шести лет Ушинский публиковал статьи в журнале «Педагогический сборник». Опубликованные статьи перерабатывались и существенно дополнялись. Эти материалы были изданы под названием «Человек как предмет воспитания» («Опыт педагогической антропологии»: первый том вышел в 1867 г., второй — в 1869 г.). Третий том не был завершен, помешала безвременная смерть автора. Подготовленные Ушинским материалы к этому тому были опубликованы А. Н. Острогорским лишь в 1908 г. Трудно не согласиться с оценкой, сделанной А. Н. Острогорским: «Чувствуется глубокое сожаление, что судьба не дала Ушинскому возможности самому обработать и подготовить к печати III том, которого в свое время с таким нетерпением ждали русские педагоги» [Ушинский, 1952, с. 634].

Сам Ушинский прекрасно поясняет логику осуществления своих исследований: «Теперь скажем несколько слов о самом расположении тех предметов, которые мы хотим изучать в нашем труде. Хотя мы избегаем всякой стеснительной системы, всяких рубрик, которые заставили бы нас говорить о том, что нам вовсе неизвестно; но, тем не менее, мы должны же излагать изучаемые нами явления в некотором порядке. Сначала мы, естественно, займемся тем, что нагляднее, и изложим физиологические явления, которые считаем необходимыми для ясного понимания психических. Затем приступим к тем психофизическим явлениям, которые, сколько можно судить по аналогии, общи в начатках своих как человеку, так и животным, и только под конец займемся чисто психическими, или, лучше

сказать, духовными, явлениями, свойственными одному человеку. В заключение же всего мы представим ряд педагогических правил, вытекающих из наших психических анализов» [Ушинский, 1950, с. 52-53]. Ушинский свое монументальное исследование представляет так: «В первом томе «Педагогической Антропологии», который мы выпускаем теперь в свет, изложены нами немногочисленные физиологические данные, которые мы считали необходимым изложить, и весь процесс сознания, начиная от простых первичных ощущений и доходя до сложного рассудочного процесса. Во втором томе излагаются процессы душевных чувств, которые, в отличие от пяти внешних чувств, называем просто чувствованиями, а иногда чувствами душевными, или чувствами сердечными и умственными (каковы: удивление, любопытство, горе, радость и т. п.). В этом же томе, за исключением процесса желаний и воли, изложим мы и духовные особенности человека, оканчивая тем нашу индивидуальную антропологию. В третьем томе мы изложим по системе, удобной для обозрения, те педагогические меры, правила и наставления, которые сами собою вытекают из рассмотренных нами явлений человеческого организма и человеческой души» [Ушинский, 1950, с. 53-55].

Таким образом, К. Д. Ушинский набрасывает монументальный проект исследований, который был осуществлен не полностью (третий том не был написан, опубликованы лишь подготовительные материалы). В. Я. Струминский (составитель и один из редакторов «Сочинений» К. Д. Ушинского) отмечает: «Третий том “Педагогической антропологии” должен был быть самой существенной частью этого произведения великого русского педагога: первые два тома только подводили читателя к этой третьей части. Совершенно понятен поэтому интерес к проблеме построения и разработки III тома: с такой или иной его разработкой было связано окончательное оформление всего произведения Ушинского. Первые два тома этого произведения с совершенной определенностью показали, что автор критически относится к идеализму и к вульгарному материализму и идет навстречу материалистическому мировоззрению разработке основных вопросов элементарной психологии. В III томе он должен был дать анализ конкретной психологии человека, тех психических особенностей, которые поднимают его над животными и которые в особенности легко истолковать идеалистически. Понятно, что представители идеалистического

мировоззрения были заинтересованы идеалистическими тенденциями, заложенными в материале этой третьей части «Антропологии», и обратно, для сторонников материализма были интересны тенденции материалистические» [Струминский, 1953, с. 645-646].

Ушинский, повторим, не был психологом, не позиционировал себя как психолога, он разрабатывал научные основы психологии постольку, поскольку это было необходимо для построения научной педагогики. Психологии как науки на то время попросту не существовало, поэтому разработка системы психологии была для Ушинского средством решения его главной задачи. Однако средство решения задачи, разработанное Ушинским, представляло собой *уникальное достижение мировой психологической науки*, причем решение русского педагога было абсолютно оригинальным, поскольку проект был ориентирован на *разработку практической психологии для педагогов*.

Как пишет К. Д. Ушинский, «физиология не могла отыскать в нервной системе никаких условий, которые могли бы объяснить нам возможность таких явлений, каковы сознание, чувство и воля. Достигая везде до этих явлений, мы испытывали ясно, что с физиологическими средствами исследования нельзя сделать ни шагу далее, что здесь мы встречаемся с каким-то новым агентом, который не поддается физиологическому наблюдению» [Ушинский, 1950, с. 269].

Ушинский продолжает: «Отношение, в которое душа поставлена к нервному организму, составляет одну из величайших тайн творения, которая, возбуждая сильнейшее любопытство в человеке, остается для него непостижимой, хотя человек, так сказать, живет посреди этой тайны и каждым своим действием, каждой-своею мыслью решает на практике задачу, неразрешимую для него в теории. Теперь, по крайней мере, ясно для нас уже одно, что нервный организм стоит неизбежным звеном и единственным посредником между внешним миром и душою. Душа не ощущает ничего, кроме разнообразных состояний нервного организма, и насколько внешний мир своими влияниями отражается в этих состояниях, настолько он и доступен душе. Если предположить, что во внешнем мире существуют явления, не производящие никакого влияния, ни непосредственного, ни посредственного, на изменение состояний нервного организма, то такие явления останутся для души навсегда неизвестными. Если, наоборот, предположить, что в душе

есть явления, которые не производят никакого впечатления на нервный организм, то такие явления ничем не заявят своего существования во внешнем мире. Таково отношение души и к нервной системе, и к внешнему миру. Как разбирает душа иероглифы, начертываемые влияниями внешней природы, в состояниях нервной системы, — этого мы не знаем; а соответствуют ли эти иероглифы действительным явлениям внешнего мира, — это составляет основной вопрос метафизики, в который мы не будем здесь углубляться» [Ушинский, 1950, с. 270].

Ушинский формулирует важнейшее положение, характеризующее метод психологии: «Но, оставляя физиологические наблюдения, чем же мы заменим их? Наблюдением души над собственной своею жизнью, или самонаблюдением. Наблюдение есть метод естественных наук: самонаблюдение — метод психологии. Уже сама физиология, как только дело идет в ней о деятельности органов чувств и движений, не довольствуется наблюдениями, а прибегает к самонаблюдениям: меняет физиологический метод на психологический; да иначе и быть не может. Если бы, например, человек не обладал сам органом слуха, то, открыв его у других животных, он не имел бы никакой возможности узнать, для чего служит такой орган» [Ушинский, 1950, с. 271].

«Мы хотим только показать, что основной метод для физиологии есть наблюдение, а основной метод для психологии — самонаблюдение и что если одна наука может пользоваться результатами другой, то только под тем условием, чтобы обе они не смешивали своих методов» [Ушинский, 1950, с. 271]. «Что самонаблюдение, основывающееся на врожденной человеку способности сознавать и помнить свои душевные состояния, есть основной способ психологических исследований, — в этом нетрудно убедиться. Всякое психологическое наблюдение, которое мы делаем над другими людьми или извлекаем из сочинений, рисующих душевную природу человека, возможно только под условием предварительного самонаблюдения» [Ушинский, 1950, с. 272]. Ушинский пишет, явно имея в виду критику психологии Кантом: «Гораздо основательнее тот упрек, делаемый обыкновенно психологии, что предмет ее чрезвычайно подвижен: не лежит спокойно перед сознанием изучающего, как цветок под микроскопом ботаника, но беспрестанно меняется, как хамелеон, смотря по тому, кто к нему подходит и с какой стороны, и что, наконец, изучающий не может оторвать

предмета своего изучения от самого себя. Этот упрек верен; но он показывает только трудность науки, а не невозможность ее» [Ушинский, 1950, с. 275].

Проанализировать методологические принципы и решения, реализованные К. Д. Ушинским в «Педагогической антропологии» в сколь-нибудь полном объеме в рамках небольшой статьи не представляется возможным. В предельно сжатом виде методологические позиции Ушинского будут описаны в разделе настоящей статьи «К. Д. Ушинский как создатель новой психологии».

Таким образом, Ушинским был намечен и реализован (увы, не в полном объеме) масштабный и монументальный проект. К его характеристике мы еще вернемся в настоящей статье в разделах «К. Д. Ушинский: корректировка великого проекта» и «К. Д. Ушинский как создатель новой психологии».

Научная психология: какой она должна быть?

Ушинский — настоящий методолог психологической науки. Причем не только методолог психологии, но и науки в целом. Обратим внимание на то, что им глубоко проработаны сочинения И. Канта, Д. Юма, Д. С. Милля, Г. Спенсера, О. Конта, Г. Гегеля и многих других философов. Ни у кого из них он не нашел удовлетворительного решения, позволяющего создать систему психологии, столь необходимую Ушинскому для раскрытия проблемы воспитания, для «дела воспитания».

Ушинский активно использует в своих построениях современные подходы, которые только оформляются в девятнадцатом столетии: генетический, эволюционный, исторический.

Не имея возможности обсуждать эту сложную проблему в целом, акцентируем только наиболее существенные моменты.

Ушинскому, повторим, была необходима прочная основа для создания научной педагогики. Цель Ушинского прагматическая — научно обеспечить дело воспитания. Психологии, которую можно было использовать для этого, в то время не существовало. Поэтому Ушинскому приходится «синтезировать» свою психологию из доступного материала, который был представлен в течениях европейской психологической мысли середины девятнадцатого столетия. Как отмечал Б. Г. Ананьев, характеризуя подход Ушинского, «его психологическое учение отнюдь не являлось конгломератом чужих систем, которые он умел

критически оценить и отбросить, а вносило в психологию свое новое, оригинальное» [Ананьев, 2007, с. 391]. Ананьев ставит важный вопрос и сам на него отвечает словами Ушинского: «Что же объединяет все те факты, которые из разных источников были собраны и обобщены Ушинским, стремившимся поднять психологию «в уровень с действительностью»? На этот вопрос мы можем получить ответ у самого Ушинского, который прямо писал, что, «пересматривая психические факты, добытые в разных теориях, мы поражаемся едва ли еще не более обширной возможностью иметь громадное влияние на развитие ума, чувства и воли в человеке и точно так же поражаемся ничтожностью той доли из этой возможности, которой уже воспользовалось воспитание» [Ананьев, 2007, с. 391-392].

При разработке педагогической антропологии Ушинский использовал методологический ход, полностью оправдавший себя при обосновании камерального образования (см. подробно [Мазиллов, 2014; Мазиллов, 2014а; Мазиллов, 2015]). В том случае молодой Ушинский (1848) использовал широкое понятие «родина», в своем позднем проекте «Педагогической антропологии» в качестве такового выступает понятие «человек», откуда логично появляется именно антропология. Не будем останавливаться на этом (подробнее см. [Мазиллов, 2014; Мазиллов, 2015]).

Нас интересует в настоящей статье *психология*. Как известно, научной психологии во время Ушинского, повторим еще раз, не было. Однако идеи создания научной психологии витали в воздухе. Новое время ознаменовалось существенным подъемом естественно-научного знания, который был обеспечен соединением математического описания природы с ее экспериментальным исследованием. Кантом были оформлены представления о естественных науках, которыми и руководствовались немецкие авторы. Напомним, Кант отверг существование рациональной психологии, утверждая, что «рациональная психология как доктрина, расширяющая наше самопознание, не существует» [Кант, 1964, с. 382]. Психологии как естественно-ориентированной дисциплине остается путь развития как *эмпирической науки*. Кант настаивал на необходимости различения *Я* как субъекта и *Я* как объекта. «О *Я* в первом значении (о субъекте апперцепции), о логическом *Я* как априорном представлении, больше решительно ничего нельзя узнать — ни что оно за сущность, ни какой оно природы» [Кант, 1966, с. 191]. «*Я* во втором значении (как субъект пер-

цепции), психологическое *Я* как эмпирическое сознание, доступно разнообразному познанию» [Кант, 1966, с. 191].

Кант обозначает перспективу эмпирической психологии: «Подтверждением и примером этого может служить всякое внутреннее, психологическое наблюдение, сделанное нами; для этого требуется, хотя это связано с некоторыми трудностями, воздействовать на внутреннее чувство посредством внимания (ведь мысли, как фактические определения способности представления, также входят в эмпирическое представление о нашем состоянии), чтобы получить прежде всего в созерцании самого себя знание о том, что дает нам внутреннее чувство; это созерцание дает нам представление о нас самих, как мы себе являемся; логическое же *Я* хотя и указывает субъект существующим сам по себе в чистом сознании, не как восприимчивость, а как чистую спонтанность, но не способно ни к какому познанию своей природы» [Кант, 1966, с. 191].

В «Метафизических началах естествознания» Кант предпринимает критику психологии. Согласно Канту, психология не может использовать математику (1), эксперимент (2), в психологии нельзя обнаружить устойчивые элементы, которые можно сделать основой (3), сам метод самонаблюдения ненадежен и искажает естественный ход душевных процессов (4). Перечисленные недостатки психологии представлялись И. Канту настолько существенными, что его вердикт для психологии был печален: она никогда не сможет стать такой, как естественные науки.

Большинство немецких ученых пошло по этому пути, обозначенному Кантом: они пытались доказать, что кантовская критика не так сокрушительна, что можно применять и математику, и эксперимент, усовершенствовать самонаблюдение, научить испытуемых выделять в опыте элементы и т. п. Полный ответ на кантовскую критику по всем пунктам был дан Вундтом, который и считается официально создателем психологии как науки [Мазиллов, 1998; Мазиллов, 2011].

Такой подход Ушинского категорически не устраивал. Он прекрасно понимал, к чему это ведет: отправляясь от элементов, можно построить лишь *абстрактные теории*, далекие от жизни, которые Ушинский резко критиковал. Да и ментальная физика, умственная механика, психическая химия Ушинскому не были нужны. Он с большей пользой использовал опыт тех английских психологов (к примеру, А. Бэна), которые

реализовали функциональный подход, обеспечивающий большую целостность описания (по сравнению с атомистическим подходом немецких ученых, мечтавших из исходных элементов сконструировать целое). Такой элементаристский подход пригоден для создания абстрактных теорий (заметим в скобках, что он скорее позволяет обосновать исходные гипотезы, так что факты здесь играют далеко не первостепенную роль). Концепция Ушинского в противоположность элементаристскому подходу, анализирует факты, именно основывается на них. Поэтому можно утверждать, что у Ушинского мы встречаемся с первой версией в мировой психологии, которая действительно реально использует факты.

Ушинскому были необходимы целостность, жизненность, связь с практикой, возможность использовать данные о психических явлениях в деле воспитания. Поэтому он, руководствуясь основными идеями (системности, развития, историчности), выстраивает картину развития психической жизни — от элементарных форм до самых сложных, характеризующих высшие проявления духовной жизни человека. Ушинский вынужден строить свою психологию *по своей собственной методологии*. Надо полагать, что ему было ясно: на естественном подходе *всю психологию* не построить, явления *духа* не объяснить.

Не будем здесь характеризовать преимущества методологического подхода Ушинского перед подходом вундта, реализовавшего кантовскую логику [Мазилев, 2023]. Скажем только, что для практических целей вундтовская психология была абсолютно непригодна. Да и нельзя не отметить, что охватывала эта научная психология в вундтовской версии лишь ощущения и движения — мизерную часть подлинного предметного поля психологии.

К. Д. Ушинский как создатель новой психологии (методологические аспекты)

Предельно кратко и сжато обозначим основные методологические позиции, сформулированные Ушинским.

– Используя антропологический подход, он реализует *целостный взгляд на человека*, пытаясь учесть при этом основные пройденные им *исторические этапы*. Это позволяет гармонично вписать психологию в систему научного знания о человеке. Ушинский подробно обсуждает отношение психологии к другим наукам, то есть определяет ее место в системе научного знания. Само определение места психологии в структуре знания в целом позволяет достаточно четко опи-

сать место психологии среди других наук и тем самым обозначить отношения психологии с другими научными дисциплинами.

– Ушинский четко определяет предмет психологии, причем трактует его широко и целостно. Обратим внимание, что предмет психологии определяется им как *совокупный, охватывающий собой все пространство психических явлений*, включая психофизиологические, психические и духовные явления. Обратим внимание на то, что это, вероятно, самый дальновидный подход: если мы не понимаем подлинной природы психики, целесообразно рассматривать ее максимально широко.

– Ушинский определяет отношение психологии с философией. Поскольку он не ставит задачи обосновать отделение от философии, он просто определяет это соотношение и отмечает: «...по моему убеждению, в настоящее время и сама философия может явиться только посредницею между психологией и науками природы. В настоящее время возможна только такая философия, которая основывала бы постройку научного мирозерцания, с одной стороны, на фактах, добытых психическим самонаблюдением, а с другой — на фактах, добытых наблюдением над внешнею для человека природою. Другой философии в настоящее время я не понимаю. Если основать философию на одних психических фактах, то выйдет самый туманный и неопределенный идеализм; если основать ее на одних, известных нам, фактах внешней природы, — как это делает так называемая позитивная философия, — то выйдет как раз столько же туманный и столько же неопределенный материализм, но в обоих случаях откроется обширное поле человеческой фантазии, оценка которой возможна уже на основании правил поэзии или риторики, а не основаниях науки. Отправляясь от идеального воззрения Гегеля и от позитивной философии Конта, как бы забывшей самое существование психических явлений, мыслитель одинаково удаляется от действительного знания и попадает уже в мир фантастических построек, где величественнейшие дворцы выстраиваются очень легко и скоро именно потому, что это дворцы карточные» [Ушинский, 1951, с. 15]. Подчеркнем, что это чрезвычайно важный момент, свидетельствующий о том, что психология у Ушинского — именно *наука*, а не часть философии и даже не философская психология. Проект Ушинского — *первая версия научной психологии в мировой науке*.

– Ушинский позиционирует свою психологию как науку, основывающуюся на *фактах*. Факты добываются Ушинским, как он неоднократно указывает, в опубликованных психологических сочинениях, выбор фактов подробно обсуждается автором. Однако, часто упускается из виду, что фактологическая основа исследования Ушинского много шире. Как отмечал Б. Г. Ананьев, «беря эти факты и в изобилии добавляя к ним свои собственные, он строил на их основе *свою* психологическую концепцию, стройную и последовательную, творчески преломившую тот фактический материал, которым он пользовался» [Ананьев, 2007, с. 391].

– Ушинский подробно обсуждает, каков должен быть метод психологии. Как упоминалось, основным методом психологии Ушинский полагает *самонаблюдение*. Обратим внимание, что в середине XIX столетия самонаблюдение продолжало реально оставаться ведущим методом в области психологии. Эксперимент активно использовался физиологами при измерении времени реакции (Ф. Дондерс), в психофизике К. Вебером и Г. Т. Фехнером, но он проводился со специальными целями и никоим образом не представлял собой экспериментально-психологического исследования. Исследования по времени реакции и по психофизике были впоследствии включены Вундтом в его физиологическую психологию [Мазилов, 1998; Мазилов, 2011].

– Ушинский подробно рассматривает важнейший для *конституирования психологической науки* вопрос, связанный со структурой дисциплины. Поскольку предмет психологии понимается Ушинским совокупно, то структура дисциплины фактически совпадает с трактовкой предмета. *Часть психологическая* включает в себя сознание, чувства и волю, психические явления, которые свойственны лишь человеку (духовные): самосознание, рассудок и разум, мышление и речь, свобода воли, а также конкретные психические процессы высшего порядка (идеи как формы теоретического приближения к истине; эстетическое чувство как восприятие истины в образной форме; нравственное чувство как осознание прекрасного в отношениях между людьми; религия как исторически ранняя форма функционирования высшей психики).

– Ушинский решает вопрос о соотношении психологии с физиологией, рассматривая отношения между физиологическими и душевными процессами, на чем мы уже останавливались. Ушинский сознательно отказывается от решения

психофизиологической проблемы, что является актом научной честности. Специально следует подчеркнуть, что отношение определяется так, что не оставляет места для физиологического редукционизма, который был характерен для многих направлений в психологии [Мазилов, 1998].

– Ушинский утверждает *опытный характер науки*. К примеру, К. Рамуль, анализируя работы русского ученого, замечает, что опытный характер не выдерживается, а психология Ушинского «была в значительной степени теоретизирующей и конструирующей» [Рамуль, 1956, с. 123]. На наш взгляд, это только подчеркивает мудрость Ушинского, никоим образом не разделявшего крайности позитивизма и никогда не заявлявшего, что наука *сводится к получению фактов*. Социальное цитирование работ Клода Бернара об экспериментальном рассуждении свидетельствует, что психология не может быть построена только из фактов, каркас ее определяется методологическими и мировоззренческими положениями, теоретическими наработками и гипотезами. Ушинский активно использует эмпирический подход, заимствуя из работ современников факты (заметим, подробно оговаривая, какие именно он использует), добавляет свои, но хорошо понимает, что для создания системы знания они имеют вспомогательную роль (нужно знать, куда факты должны быть встроены).

– Ушинский определяет соотношение теории и метода в новой психологии, что было редкостью для той эпохи [Мазилов, 1998]. К тому же стоит отметить высочайшую методологическую культуру Ушинского, поскольку практически каждый важный шаг в его рассуждениях сопровождается скрупулезным методологическим анализом.

– Учение Ушинского соединяет разработанную систему психологии, изложенную им в его сочинениях, с тем что система эта работающая, имеющая практическую направленность. Концепция Ушинского без сомнения *первый в мировой науке практико-ориентированный проект психологии*. Направленность на практику определяет и некоторые методологические положения автора. Ушинский пишет: «Жизнь, с которой имеет дело воспитание, не укладывается ни в какую одностороннюю теорию, и прямой теоретик в жизни есть самый непрактический человек» [Ушинский, 1950, с. 650]. Ушинский заключает: «воспитание как практическая деятельность может основываться только на психиче-

ском факте дуализма. Монизм, как и вера в причинность — основа науки; дуализм, как и вера в личную свободу человека, — основа всякой практической деятельности, а, следовательно, и воспитания. Но можно ли так разделить науку и жизнь, о единстве которых говорится почти в каждой немецкой ученой книге? На это мы можем сказать только, что как бы ни был прискорбен этот факт разделения науки и практической жизни, но во всяком случае он лучше вымышленного их соединения, как незнание лучше ложного знания» [Ушинский, 1950, с. 654].

Сегодня в XXI столетии проходят дискуссии о различиях академической и практико-ориентированной психологии. Нельзя не признать, что Ушинский пытался в свое время решить одну из вечных проблем психологии.

– Учение Ушинского — в отличие от подавляющего большинства психологических теорий середины XIX столетия — вовсе не учение, нацеленное на *сознание*. Ушинский отмечает: «Так как деятельность души сама по себе есть только удовлетворение врожденного ее стремления к деятельности, то мы можем сказать, что в создании этой страсти (любви. — Ред.) участвовали окончательно три деятеля: 1) стремления телесные, 2) стремления духовные (то есть эстетико-нравственные) и 3) стремления душ к деятельности». [Ушинский, 1952, с. 16]. Обратим особое внимание на то, что в концепции Ушинского появляется понятие «деятельность». Речь идет и о *деятельности сознания, деятельности души*, но и о *нравственной деятельности, о труде*. Отметим, что Ушинским используются понятия «психического акта», он подробно анализирует взаимодействие сознательных и бессознательных составляющих в структуре и генезе психического акта. Концепция Ушинского, без сомнения, *эвристична*, так как в ней при желании можно найти *истоки тех концепций*, по поводу которых велись активные дискуссии уже в XX столетии.

– Наконец, последнее. Напомним, третий том антропологии Ушинский намеревался посвятить высшим проявлениям сознания: согласно Ушинскому, *пропасти между элементарными психическими явлениями и сложными* при комплексном подходе не существует. Именно этот разрыв привел, как известно, к кризису психологии, конфликту между естественно-научной и герменевтической психологией, который не разрешен и поныне.

Не станем останавливаться на других значимых моментах. Повторим, их вполне достаточно, чтобы, реконструируя представления Ушинского о том, какой быть психологии, написать объемистую книгу. Важно то, что Ушинский в своих работах обсудил *весь комплекс вопросов, который необходим для определения статуса психологии*. Попытка Ушинского исторически является первой в психологии, можно полагать, что Ушинский вполне заслужил свое место в истории психологии *именно как методолог, решивший в свое время комплекс сложнейших задач*.

Современники не смогли оценить проект Ушинского. Представляется, что это должны сделать благодарные потомки, указав подлинное место, которое занимает труд Ушинского в истории психологической науки.

К. Д. Ушинский: корректировка великого проекта

Данное название раздела настоящей статьи может вызвать искреннее недоумение читателя. Хорошо известно, что Ушинский не завершил свой грандиозный проект, третий том остался ненаписанным из-за безвременного ухода автора из жизни, остались лишь подготовительные материалы. Тем не менее, такая позиция имеет право на существование. Обратимся к мнению биографов К. Д. Ушинского.

В. Я. Струминский — автор вступительных статей к многим изданиям трудов Ушинского и один из редакторов «Сочинений» Ушинского — сообщает интересные сведения, имеющие непосредственное отношение к процессу создания «Педагогической антропологии».

К. Д. Ушинский был чрезвычайно творческим человеком, поэтому — хотя его проект не был завершен — вносил коррективы в свою теорию по ходу написания трехтомного труда, что не всегда учитывается исследователями научной деятельности ученого.

В. Я. Струминский отмечает: «Разработка второй части исследования Ушинского, посвященной изучению элементарных психических процессов, общих человеку и животному, представляла трудности в том отношении, что нужно было отойти от ненаучной, идеалистической трактовки психики. Эмпирическая психология, на почву которой с самого начала стал Ушинский, освободилась от метафизического представления души и изучала только душевные явления. Но сами эти явления, как явления сознания чувства и воля, оторванные от материального мира и витающие в какой-то нематериальной об-

ласти, трактовались все еще идеалистически и созерцательно. Подчиняясь давнишней традиции, Ушинский принял трихотомическое деление психики на явления сознания, чувства и воли, но уже в середине своей работы пришел к выводу, что это деление является ошибочным, что «не сознание составляет сущность души, а врожденное ей стремление к деятельности, к жизни, для которого и самое сознание служит только одним из средств» [Струминский, 1953, с. 30-31].

Действительно, из истории психологии известно, что представление о делении души на способности познания и воли было сформировано в работах Христиана Вольфа [Wolff, 1734; Wolff, 1738]. Его последователь И. Н. Тетенс [Tetens, 1776] добавил к двум вольфовским способностям чувства, и, таким образом, оформляется ставшее традиционным разделение души на познание, чувства и волю.

Ушинский действительно показывает, как вытекающее из потребностей организма стремление к деятельности превращается в сознательное желание через чувствование: «Бессознательные стремления превращаются в сознательные желания не иначе, как через посредство чувствований. Бессознательное стремление к пище, называемое голодом, делает нам хлеб приятным, и после этого мы уже сознательно желаем и ищем хлеба. Следовательно, чувствование удовольствия, сопровождающего удовлетворение бессознательного стремления, превратило это бессознательное стремление в сознательное желание. Бессознательно стремимся мы к гармонии звуков и, слыша гармонические звуки, получаем удовольствие, а впоследствии уже сознательно желаем этих звуков, ибо знаем, что они доставляют нам удовольствие. Таков психический акт во всей своей простоте и точности. Стремление, чувствование и представление — вот три психические явления, которые соединяются в сложном акте желания» [Ушинский, 1951, с. 64].

Струминский отмечает, что Ушинский, отказавшись от первоначального трихотомического деления психических процессов и показав, что психические явления возникают на основе деятельности, вытекающей из неудовлетворенных потребностей, «сделал большой шаг вперед к преодолению идеалистических тенденций, еще имевших место в эмпирической психологии» [Струминский, 1953, с. 31]. «С одной стороны, он вскрыл материальную основу психики и тем самым определил конечную задачу психологического исследования, заключающуюся в том, что-

бы сводить все психические, сознательные процессы к их первоначальной материальной основе. С другой стороны, именно вследствие этого открытия все многообразие проявлений психики, перед которыми в бессилии останавливалась эмпирическая психология, не находя того стержня, на котором можно было бы в определенном порядке и системе распределить это многообразие, оказалось теперь сведенным к простейшей ее форме — деятельности организма в его взаимодействии с окружающей средой» [Струминский, 1953, с. 31-32].

Обратим внимание на важный вывод: «Перед Ушинским возникла, таким образом, задача представить все психические явления как возникшие на основе человеческой деятельности. Стремясь закончить свой труд, он вместе с тем мечтал о том, чтобы *немедленно после окончания приступить к его переработке* (*Курсив мой. — В. М.*), необходимость которой связывалась с выяснившейся потребностью дать новую группировку психических явлений вокруг труда, как своего центра» [Струминский, 1953, с. 32].

Таким образом, мы видим, что Ушинский желал изменить систему изложения психологического материала. Увы, времени на реконструкцию своей психологической системы К. Д. Ушинскому отпущено не было.

Для темы нашей статьи важно также свидетельство В. Я. Струминского: «Третью часть своего исследования Ушинский должен был посвятить научному изложению тех особенностей психики, которые свойственны только человеку и отличают его от животных. Эти особенности, которые Ушинский характеризует общим именем гуманности, могли развиваться только в условиях человеческого общества. Свободный, излюбленный труд человека должен был регулироваться этими началами гуманизма. Их и предполагал Ушинский раскрыть в третьей части своей «Антропологии». Однако эта часть не поддавалась литературному оформлению, несмотря на то, что Ушинский *с нетерпением ждал ее окончания и несколько раз принимался за нее, но, оставаясь недовольным, уничтожал написанное* (*Курсив мой. — В. М.*). Очевидно, не одна болезнь мешала. Нужно думать, что Ушинский остановился перед непреодолимым затруднением, которое смутно предвидел с давних пор. Затруднение это заключалось в том противоречии, в какие гуманистические принципы буржуазной демократии, им провозглашенные, попадали в реальных усло-

виях капиталистического строя» [Струминский, 1953, с. 33-34].

В. Я. Струминский продолжает: «Самодетельность и свобода в действительности вели не к признанию прав и достоинства других людей, а к их нарушению. Предчувствуя это, Ушинский обвинял представителей вульгарного материализма в том, что их принципы ведут к анархизму, эгоизму, торжеству всех пороков. В таких условиях Ушинскому оставалось только одно: вместо научного обоснования гуманизма как основы человеческого поведения в новом общественном строе выдвинуть моральные нормы и санкции, сверху регулирующие самодетельность и свободу человека. Это неизбежно вносило двойственность в его построение и делало его идеалистическим» [Струминский, 1953, с. 34].

Мы можем сделать некоторые выводы. К. Д. Ушинский, как было показано В. Я. Струминским, пытался усовершенствовать разрабатываемую систему. Не подлежит сомнению, что с задачей реструктуризации первого уровня К. Д. Ушинский справился бы легко. Увы, на это банально не хватило времени. Вторая проблема — «непреодолимое затруднение» (по Струминскому) — по-видимому и не могла быть решена в 1860-е гг. Этого момента мы коснемся в «Заключении» настоящей статьи. Уместно заметить, что была еще одна линия разработки педагогической антропологии, которую наметил сам К. Д. Ушинский, но от ее разработки благозвучно отказался. Три тома «Педагогической антропологии» представляют собой, по Ушинскому, *индивидуальную антропологию*. Согласно Ушинскому, возможна и социальная педагогическая антропология: «Изучение человеческого общества с педагогической же целью потребовало бы нового, еще большего труда, для которого у нас недостает ни сил, ни знаний» [Ушинский, 1950, с. 53-55]. Представляется, что и этот проект в сколь-нибудь полном объеме также был трудноосуществим: в то время еще и *социальной психологии* как науки не было.

Заключение. Триумф и трагедия Ушинского

Настоящая статья приурочена к 200-летию юбилею ученого, что избавляет от необходимости проведения параллелей между творчеством великого психолога и современной наукой: за два столетия наука, если она не топчется на месте, уходит далеко вперед. К. Д. Ушинский, несомненно, был гением. Гений это тот, кто значительно опережает свое время, часто настолько, что не все его мысли и решения понимают и

принимают современники. Гений в конечном счете оказывается *триумфатором*. Однако есть и оборотная сторона медали. Гений часто оказывается фигурой вместе с тем и *трагической*. Трагедия состоит в том, что даже несомненный гений не может в одиночку решить *всех вопросов, исследовать все сам*. Наука — дело коллективное, ученый вынужден пользоваться теми данными, какими располагает наука *его времени*, использовать труды своих *современников*, ибо других попросту нет. В случае Ушинского проявляется именно это: как мы видели, он ставил перед собой и такие вопросы, к решению которых наука его времени была не готова, опереться было просто не на что. С опережающими свое время такое случается.

Впрочем, мы далеки от того, чтобы идеализировать труды К. Д. Ушинского. Как и всякий документ эпохи (с момента публикации «Опыта педагогической антропологии» прошло более полутора столетий) труды Ушинского несут печать времени: многие положения, утверждавшиеся великим русским педагогом, не выдержали проверки временем, поскольку основывались на знаниях той эпохи.

Однако в главном Ушинский был прав, не случайно понятия *душа и духовность* активно возвращаются в структуру научно-психологического знания, знания XXI в. Человек, разработавший свою психологическую концепцию в середине XIX в., первую в истории психологической науки, связавшую науку с действительностью, достоин звания великого психолога.

Элементы эклектики, о которых Ушинский честно предупреждает, являются вероятно единственно возможным средством решения поставленных задач в девятнадцатом столетии. В XXI в. *эклектика* уже не ругательство, а — по мнению многих уважаемых авторов — методологическое признание сложности и многомерности изучаемого объекта, когда необходимо осуществлять комплексный подход, а интегральная теория отсутствует.

В XXI столетии, как хорошо известно, представители разных наук обсуждают возможности использования в науке сетевых подходов, что, согласимся, в некоторых отношениях несколько напоминает пресловутую эклектику. Нельзя же от ученого середины XIX столетия требовать решений, которых нет и спустя полтора века!

Не ставить же в упрек Ушинскому, что он уклонился от ответа на сакраментальный вопрос, как соединяется сознание с телом. Мы и в XXI в.

не знаем в точности, как это происходит. Представляется, что Ушинский в этом отношении проявил так свойственную ему мудрость.

Несомненно, важнейший момент для понимания подлинного значения системы Ушинского — это его трактовка предмета психологии как *совокупного, объединяющего все психические явления*, от простейших до самых сложных. Ушинский показал иной путь создания системы, в противоположность вундтовскому, эксплуатируемому научной психологией по сегодняшний день. Логика Вундта была проста и понятна — предмет определялся предельно узко, затем результаты можно попытаться перенести на целое. Согласно Ушинскому, напротив, предмет психологии должен быть определен максимально широко — от простейших проявлений, граничащих с физиологией (чем и ограничил сферу научной физиологической психологии В. Вундт), до самых сложных духовных, свойственных лишь человеку. Перспективность такого подхода психология XXI только начинает понимать. Заметим, что у Ушинского — в этом отношении — были прекрасные последователи. Среди которых Пьер Жане и Карл Юнг, которые рассматривали предмет широко, не сводя к какому-то частному проявлению, и, соответственно, не пытаясь потом полученный результат распространить на целое.

К. Д. Ушинский видел недостатки своей работы лучше критиков, сам о них заявлял, не скрывал, что некоторые вопросы не могут быть решены в настоящее время — наука не располагает такими возможностями, но он не затушевывает их, а, напротив, обнажает. Возможно, это урок великого психолога его будущим последователям. Наверное, стоит расценивать это как новую норму научной этики от Ушинского. Вспомним, что Карл Поппер, формулируя свое знаменитое *анти-эссенциалистское заклинание*, утверждал, что обсуждения вербальных проблем ведет к забвению проблем реальных. Иными словами, туманные решения при помощи словесной эквилибристики только вредят развитию науки. Правда, это было потом, в XX столетии, когда Ушинского уже не было.

Ушинский был скромным человеком. Не идентифицировал себя как психолога, много раз отмечал, что он не психолог. В названии его труда не было слова психология. Частично это объясняет, что труд Ушинского не был оценен по достоинству. Сказалось, конечно, и то, что он не был завершен и представлен в целостном виде. Впрочем, комплекс причин — и объективных, и

субъективных — недооценки эпохального для психологии труда Ушинского описан в других работах автора [Мазилев, 2014; Мазилев, 2023]. Не будем этого повторять, да оно и не важно. Важно вернуть Ушинскому его законное место в истории психологической науки. В истории психологии много еще пробелов и белых пятен, неправомерных оценок, устаревших штампов и стереотипов. Настала пора признать — К. Д. Ушинский был великим русским психологом.

Библиографический список

1. Ананьев Б. Г. «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского и ее современное значение // Избранные труды по психологии. Том 2. Развитие и воспитание личности / под ред. Н. А. Логиновой. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007а. С. 531-546.
2. Ананьев Б. Г. Проблемы педагогической антропологии // Избранные труды по психологии. Том 2. Развитие и воспитание личности / под ред. Н. А. Логиновой. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007б. С. 499-514.
3. Ананьев Б. Г. К. Д. Ушинский — великий русский психолог // Избранные труды по психологии. Том 1. Очерки психологии. История русской психологии / под ред. Н. А. Логиновой. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 388-409.
4. Ананьев Б. Г. Педагогическая антропология К. Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. 1969. № 2. С. 3-14.
5. Ананьев Б. Г. К. Д. Ушинский — великий русский психолог // Советская педагогика. 1945. № 12. С. 98-111.
6. Вундт В. Основания физиологической психологии. Москва: Типогр. М. Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
7. Кант И. Сочинения: в шести томах. Т. 3. Москва: Мысль, 1964. 799 с.
8. Кант И. Сочинения: в шести томах. Т. 6. Москва: Мысль, 1966. 743 с.
9. Мазилев В. А. Проект практической психологии К. Д. Ушинского // Человек. 2015. № 6. С. 107-117.
10. Мазилев В. А. Разработка практической психологии: непонятый и не оцененный проект К. Д. Ушинского // Ярославский педагогический вестник. Том II (Психолого-педагогические науки). 2014а. № 3. С. 191-199.
11. Мазилев В. А. К. Д. Ушинский в Ярославле: формирование методологических взглядов // Педагогическое наследие К. Д. Ушинского: материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского» (4-5 марта 2014 г.). Ч. 2. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2014б. С. 24-39.

12. Мазиллов В. А. Великий психолог: К. Д. Ушинский как методолог психологии // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 2. С. 72-81.

13. Мазиллов В. А. Становление метода эксперимента в научной психологии // Современная экспериментальная психология : коллективная монография : в 2-х томах. Том 1 / под ред. В. А. Барабанщикова. Москва : Институт психологии РАН, 2011. С. 139-159.

14. Мазиллов В. А. Теория и метод в психологии. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1998. 356 с.

15. Рамуль К. А. К. Д. Ушинский и западноевропейская психология // Вопросы психологии. 1956. № 5. С. 113-124.

16. Рубинштейн С. Л. Психологическая наука и дело воспитания // Проблемы общей психологии. Москва : Педагогика, 1973. С. 183-193.

17. Струминский В. Я. Проблема воспитания в педагогической системе К. Д. Ушинского // Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Том 1. Вопросы воспитания. Москва : Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1953. С. 7-52.

18. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 2. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1948. 656 с.

19. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 3. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1950. 692 с.

20. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 8. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1950. 778 с.

21. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 9. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1951. 628 с.

22. Ушинский К. Д. Сочинения. Т. 10. Москва ; Ленинград : Изд-во АПН РСФСР, 1952. 668 с.

23. Tetens J. N. Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung. Kiel, 1776.

24. Wollf Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae atheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.

25. Wollf Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.

26. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig : Boss, 1863-1864. Bd. 1. XIV, 491 S.; Bd. 2. VII, 463 S.

27. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Reference list

1. Anan'ev B. G. «Pedagogicheskaja antropologija» K. D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie = «Pedagogical Anthropology» by K. D. Ushinsky and its modern significance // Izbrannye trudy po psihologii. Tom 2. Razvitie i vospitanie lichnosti / pod red. N. A. Loginovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburzhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007a. S. 531-546.

2. Anan'ev B. G. Problemy pedagogicheskoy antropologii = Problems of pedagogical anthropology // Izbrannye trudy po psihologii. Tom 2. Razvitie i vospitanie lichnosti / pod red. N. A. Loginovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburzhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007b. S. 499-514.

3. Anan'ev B. G. K. D. Ushinskij — velikij russkij psiholog = K. D. Ushinsky — the great Russian psychologist // Izbrannye trudy po psihologii. Tom 1. Oчерki psihologii. Istorija russkoj psihologii / pod red. N. A. Loginovoj. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburzhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. S. 388-409.

4. Anan'ev B. G. Pedagogicheskaja antropologija K. D. Ushinskogo i ee sovremennoe znachenie = Pedagogical anthropology of K. D. Ushinsky and its modern significance // Voprosy psihologii. 1969. № 2. S. 3-14.

5. Anan'ev B. G. K. D. Ushinskij — velikij russkij psiholog = K. D. Ushinsky is the great Russian psychologist // Sovetskaja pedagogika. 1945. № 12. S. 98-111.

6. Vundt V. Osnovaniya fiziologicheskoy psihologii = Foundations of physiological psychology. Moskva : Tipogr. M. N. Lavrova i Ko., 1880. 1040 s.

7. Kant I. Sochinenija : v shesti tomah = Compositions: In six volumes. T. 3. Moskva : Mysl', 1964. 799 s.

8. Kant I. Sochinenija : v shesti tomah = Compositions: In six volumes. T. 6. Moskva : Mysl', 1966. 743 s.

9. Mazilov V. A. Proekt prakticheskoy psihologii K. D. Ushinskogo = Project of practical psychology of K. D. Ushinsky // Chelovek. 2015. № 6. S. 107-117.

10. Mazilov V. A. Razrabotka prakticheskoy psihologii: neponjatij i neocenennyj proekt K. D. Ushinskogo = Development of practical psychology: an incomprehensible and unapproved project of K. D. Ushinsky // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom II (Psichologo-pedagogicheskie nauki). 2014a. № 3. S. 191-199.

11. Mazilov V. A. K. D. Ushinskij v Jaroslavle: formirovanie metodologicheskikh vzgljadov = K. D. Ushinsky in Yaroslavl: formation of methodological views // Pedagogicheskoe nasledie K. D. Ushinskogo : materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Chtenija Ushinskogo» (4-5 marta 2014 g.). Ch. 2. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2014b. S. 24-39.

12. Mazilov V. A. Velikij psiholog: K. D. Ushinskij kak metodolog psihologii = Great psychologist: K. D. Ushinsky as a methodologist of psychology // Psichologicheskij zhurnal. 2023. T. 44. № 2. S. 72-81.

13. Mazilov V. A. Stanovlenie metoda jeksperimenta v nauchnoj psihologii = Becoming an experimental method in scientific psychology // Sovremennaja jeksperimental'naja psihologija : kollektivnaja monografija : v 2-h tomah. Tom 1 / pod red. V. A. Barabanshnikova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2011. S. 139-159.

14. Mazilov V. A. Teorija i metod v psihologii = Theory and method in psychology. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 1998. 356 s.

15. Ramul' K. A. K. D. Ushinskij i zapadnoevropejskaja psihologija = K. D. Ushinsky and Western European psychology // Voprosy psihologii. 1956. № 5. S. 113-124.
16. Rubinshtejn S. L. Psihologicheskaja nauka i delo vospitaniya = Psychological science and education // Problemy obshhej psihologii. Moskva : Pedagogika, 1973. S. 183-193.
17. Struminskij V. Ja. Problema vospitaniya v pedagogicheskoy sisteme K. D. Ushinskogo = The problem of upbringing in the pedagogical system of K. D. Ushinsky // Ushinskij K. D. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. Tom 1. Voprosy vospitaniya. Moskva : Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izd-vo, 1953. S. 7-52.
18. Ushinskij K. D. Sochineniya = Compositions T. 2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1948. 656 s.
19. Ushinskij K. D. Sochineniya = Compositions T. 3. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1950. 692 s.
20. Ushinskij K. D. Sochineniya = Compositions T. 8. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1950. 778 s.
21. Ushinskij K. D. Sochineniya = Compositions T. 9. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1951. 628 s.
22. Ushinskij K. D. Sochineniya = Compositions T. 10. Moskva ; Leningrad : Izd-vo APN RSFSR, 1952. 668 s.
23. Tetens J. N. Philosophische Versuche über menschliche Natur und ihre Entwicklung. Kiel, 1776.
24. Wolff Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosophiae practicae ac theologiae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 S.
25. Wolff Ch. Psychologia rationalis, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experientiae fide innotescunt, per essentiam et naturam animae explicantur et ad intimiorem naturae ejusque autoris cognitionem profutura propontur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1734. 680 S.
26. Wundt W. Vorlesungen über die Menschen und Thiereseele. Leipzig : Boss, 1863-1864. Bd. 1. XIV, 491 S.; Bd. 2. VII, 463 S.
27. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig : Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 12.12.2022; принята к публикации 19.01.2023.

The article was submitted on 23.11.2022; approved after reviewing 12.12.2022; accepted for publication on 19.01.2023.